

«Узбекское общество находится на историческом, «модернизируйся или исчезни» этапе своего развития. Этот этап требует значительных изменений в нынешней модели развития Узбекистана и лежащих в ее основе идеологических ценностей. Ислам может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в этом решающем моменте эволюции узбекского общества», — отмечает в своей статье, написанной специально для CABAR.asia, политолог Сардор Салим.

[English Ўзбекча](#)

Подпишитесь на наш канал в [Telegram!](#)

Краткое изложение статьи:

- Особенностью модернизационного процесса в современном Узбекистане является глубокий культурный и идейно-политический раскол общества как по отношению к прежним этапам модернизации, так и к основным направлениям дальнейшей эволюции государства и общества;
 - Кратковременная «оттепель» с осени 2016 года по лето 2018 года в религиозной сфере была всего лишь тактическим шагом, основополагающий вектор не изменился;
 - Любая модель модернизации (в том числе и секуляризации) оказывается деформированной и нежизнеспособной при пересадке на неподготовленную, а тем более — неблагоприятную для этого почву;
 - Мусульманская интеллигенция должна предложить «образ желаемого будущего» Узбекистана, в котором комфортно бы себя чувствовали как приверженцы секулярного образа жизни, так и представители других религий и культур.
-

Узбекская секулярная элита, которая определяет госполитику, религию рассматривает как угрозу (отсюда «секьюритизация ислама»). Фото: Sadat/Xinhuanet.com

С распадом СССР время безальтернативного существования Центральной Азии в рамках коммунистической доктрины закончилось. Перед Узбекистаном открылись новые пути развития. Особенностью модернизационного процесса в современном Узбекистане является глубокий культурный и идейно-политический раскол общества как по отношению к прежним этапам модернизации (например, к преобразованиям советского периода), так и к основным направлениям дальнейшей эволюции государства и общества. У образованных людей нет консенсуса относительно того общества, в котором они хотели бы жить, которое считают для себя современным. Парадоксальным образом в стране возродились споры о роли религии в общественном развитии, которые шли в узбекском обществе более века назад. Эти споры являлись отголоском более широких дискуссий, которые шли в мусульманской умме начиная с конца 19 века и которые продолжаются по сей день.

Трансформация мусульманских сообществ

С конца 19 века процессы урбанизации, введение массового образования, все более

ускоряющиеся и расширяющиеся межстрановые и межличностные коммуникации, новые виды общественных институтов и способы массовой политической мобилизации, коренная перестройка экономики и другие проблемы современности (модернити), вместе с колониализмом, начали оказывать воздействие, трансформировать традиционные мусульманские общества. Начались лихорадочные поиски причин отсталости мусульманского мира и способов преодоления этого отставания. В зависимости от предлагаемого решения проблем мусульманского мира, мусульмане делились (и все еще делятся) на четыре категории:

1. **Секуляристы.** Это та часть населения, которая считает, что надо во всем подражать Западу, модернизацию понимают как вестернизацию. Очень влиятельная среди элит в начале и в середине 20 века эта идеология (Ататюрк в Турции, Реза Пехлеви в Иране, Баасистские режимы на Ближнем Востоке, нынешние постсоветские элиты в Центральной Азии и т. д.) со временем потеряла свою привлекательность, но все еще остается ключевым и влиятельным идейным течением.
2. **Религиозные модернисты.** Та часть мусульман, которые считают, что модернизация должна быть связана с традицией мусульманского общества, его уникальной социальной памятью, культурным наследием, религиозными убеждениями, что можно и нужно критически пересматривать это наследие, традиции и убеждения в соответствии с требованиями времени, но не в ущерб основополагающим нормам ислама.
3. **Традиционалисты /консерваторы.** Это те, кто считает, что никакой критической рефлексии в сфере религии не требуется, так как основатели богословско-правовых школ в исламе все предусмотрели. Модернизация понимается «узко», как только технологическое или экономическое перевооружение.
4. **Фундаменталисты/радикалы.** Такие маргинальные группы как «Аль-Каида», ИГИЛ, «Исламское движение Узбекистана», которые считают что Модернити является формой западного доминирования и единственное решение всех проблем мусульманского мира лежит в возвращении к «чистому» исламу.

Эта классификация очень условная, в реальной жизни границы между этими группами меняются и прозрачны. Можно сказать, что вся политическая история 20 и начала 21 века в исламском мире (и в частности, в Узбекистане) была историей борьбы между этими группами за умы населения. Религиозно модернистский, традиционалистский и радикальный дискурсы в той или иной мере возродились и в современном Узбекистане. Тут Узбекистан не одинок. Ислам стал принимать форму политического учения,

помогающего огромной общности людей на пространстве от Боснии и Марокко до Малайзии и Индонезии выживать в условиях модернизации. Как пишет Адиб Халид, «ислам вовсе не простой набор раз и навсегда данных правил и представлений. Скорее, наоборот — в нем скрываются бесконечные возможности для развития, продолжающегося пока мусульмане живо интересуются вопросами своей религии и спорят о ней»[\[1\]](#).

Политика «воинствующего» секуляризма

Отличительной чертой нынешней политической элиты Узбекистана, воспитанной в советской парадигме развития (в основе которого лежит «воинствующий» секуляризм французского толка), является вера в неизбежность модернизации, однолинейном характере её течения. Отсюда вытекают упрощенные представления о прямой связи секуляризации общества с процессами модернизации и что модернизация неизбежно приводит к уменьшению влияния религии и в обществе, и в умах людей. Узбекская секулярная элита, которая определяет госполитику, религию рассматривает как угрозу (отсюда «секьюритизация ислама»), как досадную помеху в деле «просвещения» народа, или же в лучшем случае, как культурный артефакт. Соответственно, вся государственная политика в сфере религии строится именно на этих предположениях. Наиболее выпукло этот подход проявился во время правления Ислама Каримова, самого яркого представителя секулярной элиты.

В государственной религиозной политике принципиально ничего не изменилось и после прихода к власти нынешнего президента Шавката Мирзиёева. Постфактум выясняется, что кратковременная «оттепель» с осени 2016 года по лето 2018 года в религиозной сфере была всего лишь тактическим шагом, основополагающий вектор не изменился. Уже с августа 2018 года наблюдается резкий откат и ужесточение подходов в религиозной политике. В августе был принят закон о школьной форме, где прямо указано о запрете религиозной одежды (хиджабов). Хотя законодательного запрета нет, женщинам и девушкам не разрешается носить религиозную одежду в общественных местах, особенно в университетах. Известны случаи, когда девушки в хиджабах исключались из учебы даже в Международном Исламском Университете, не говоря уже о других светских учебных заведениях.

Также в августе были задержаны «за неподчинение законным требованиям органов власти» несколько блоггеров, которые откровенно писали на религиозную тематику. С ними были проведены «профилактические» беседы, и после краткого административного ареста они были освобождены. Причем это освобождение странным образом совпало с рабочим визитом в Узбекистан спецпосланника по

религиозной свободе Государственного департамента США Сэма Браунбэка.

В сентябре 2018 года имам мечети «Омина» Фазлиддин Шахобиддин обратился с призывом к президенту как гаранту Конституции РУз принять меры против усилившегося гонения на религиозную атрибутику (хиджаб, борода) и обеспечить свободу вероисповедания^[2]. В результате, он был выгнан с работы, в Управлении мусульман Узбекистана (УМУ) была созвана экстренная встреча имамов, которые осудили выступление Фазлиддина как «порочащее проводимые в республике позитивные реформы в сфере религии».

Бывший имам мечети в Ташкенте, Фазлиддин Шахобиддин (Пардиев) заявил, что был вынужден покинуть страну после получения предупреждения о запрете на публикацию в социальных сетях «политических постов». Фото: sng.today

Всё так же продолжается практика «профилактических бесед» с религиозными интеллектуалами. Соревнования чтецов Корана были свернуты. Некоторых участников тех мероприятий якобы допрашивали на предмет подпольного обучения Корану. Также были свернуты и ТВ программы религиозной тематики. Призыв к молитве (азан) через громкоговорители, которое вошло в практику в первый год президентства Шавката Мирзиёева, также было прекращено. Всё также существует запрет на прозелитизм и любую другую миссионерскую деятельность. Подростков всё так же не пускают в мечети. В начале летних каникул 2018 года родители многих школ давали подписку о том, что обязуются «не допускать детей в мечети, злачные места и опасные для здоровья места, такие как водоемы» и т.д. С октября 2018 года не только хадж, но и

умра (малый хадж) берется под контроль государства. Мусульманам Узбекистана теперь запрещено ездить в Саудовскую Аравию для совершения умры через частные туристические фирмы. В Комитете по делам религий при Кабинете Министров Узбекистана заявили, что такое решение было принято по причине того, что комитет может организовать туры в умру лучше и эффективнее, чем частные турфирмы[3].

В то же время политическая элита продолжает использовать исламскую риторику. Публичные осуждения “западной” поп-культуры, роскошных свадеб, мини-юбок девушек, вплоть до лишения лицензии на концертную деятельность некоторых артисток за откровенный вид и поведение на сцене и т.п. препарируются ссылками на национальные традиции и исламские ценности, однако, такие меры либо не работают, либо их эффективность очень низка.

Все эти порой противоречивые тенденции показывают, что концептуальный вопрос о способе разрешения дихотомии «секуляризм versus реисламизация» остается открытым.

Выступая перед участниками съезда имамов в Ташкенте 15 июня 2017 года, Мирзиёев подчеркивал необходимость более гибкой политики в сфере религии. Но как показывают недавние события, у секулярной элиты отсутствует понимание о правильном соотношении светскости и религиозности.

Пост-коммунистическая секулярная элита предлагает обществу в добровольно-принудительном порядке модель вестернизации в виде “догоняющего капитализма” и “воинствующего” секуляризма, в то время как в узбекском обществе полным ходом идет религиозный ренессанс.

Например, все больше и больше людей нуждаются и посещают мечети в часы молитвы. Празднование Ураза-байрам и Курбан-байрам в Узбекистане становится все более и более масштабным и демонстративным. Проводником этого ренессанса является интеллектуальная элита, которая все более исламизируется.

Если понимать модернизацию как переход от традиционного общества к современному, то не каждая нация, начавшая этот сложнейший путь, смогла достигнуть желаемого результата. Как утверждает Рональд Инглехардт, чтобы модернизация увенчалась успехом, нужно не только желание и усилие власти, но и наличие ряда предпосылок, лежащих в сфере не столько экономики или государственной власти, сколько культуры. Культура, не содержащая в себе этих предпосылок, мало пригодна для модернизации[4].

Его выводы подтверждает Сергей Абашин, которые на примере узбекского кишлака в Ферганской долине проследил историю преобразований в Средней Азии с конца XIX века и до распада Советского Союза. Если суммировать модернизацию советского периода, пишет Сергей Абашин, то проводимые советской властью реформы, которые должны были нивелировать различия, не достигали своей цели — среднеазиатские республики по-прежнему оставались другим, особым миром внутри одного государства[5].

Любая модель модернизации (в том числе, и секуляризации) оказывается деформированной и нежизнеспособной при пересадке на неподготовленную, а тем более — неблагоприятную для этого почву.

Тот факт, что при советской власти узбекское общество не стало полностью секулярным (рациональным и так далее), еще не говорит о том, что оно вообще никак не менялось или что эти изменения не были радикальными. Неудачи с экспериментами социализма показали, что любая модель модернизации (в том числе, и секуляризации) оказывается деформированной и нежизнеспособной при пересадке на неподготовленную, а тем более — неблагоприятную для этого почву.

В результате экспериментов сперва с социализмом, а теперь с вестернизацией, в Узбекистане сложилась ситуация, которую можно назвать «ложной модернизацией». Под «ложной модернизацией» исследователь Петр Штомпка подразумевает несогласованное, дисгармоничное, внутренне противоречивое сочетание трех элементов: 1) современных черт в отдельных областях общественной жизни; 2) традиционных, домодернистских характеристик во многих других областях и 3) всего того, что облачали в одежды, призванные имитировать современную западную действительность[6].

Для того, чтобы модернизация в Узбекистане из «ложного» превратилась в реальную, необходимо выявить и задействовать внутренние импульсы развития. Модернизация предполагает запуск комплексного социокультурного процесса. «Культурой», под которой понимается вся сеть формальных и неформальных институтов, ответственных за производство, разрушение, трансляцию и распространение ценностей, традиционно занимаются интеллектуалы.

В Узбекистане пока что в скрытой, неявной форме идет конкуренция между

представителями двух различных элит – светско-политической и социальной, представителями которой, как правило, выступают религиозно настроенные интеллектуалы. Их взгляды на социально-экономическое развитие не очень совпадают и от результата этого противостояния зависит во многом вектор дальнейшего развития узбекского общества. Интеллектуалы сами по себе не могут повернуть ход процесса модернизации, но в те или иные критические моменты они способны существенно на него повлиять.

Заключение и рекомендации

Узбекское общество находится на историческом, «модернизируйся или исчезни» этапе своего развития. Этот этап требует значительных изменений в нынешней модели развития Узбекистана и лежащих в ее основе идеологических ценностей. Ислам может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в этом решающем моменте эволюции узбекского общества. В первую очередь это зависит от способности светской элиты признать возвращение религии на сцену и соответственно подстроиться. Во-вторых, от способности реформаторски настроенных представителей мусульманской интеллигенции и активистов выступать в качестве посредников между исламом и модернитом и найти способ модернизировать узбекское общество. Вызов, с которым сталкиваются как светские, так и религиозные интеллектуалы, политические деятели заключается в том, что необходимо сформулировать такую версию модернитом, которая одновременно будет соответствовать требованиям современной эпохи и узбекской системе ценностей.

Рекомендации для светской элиты и государственных деятелей

- С приходом к власти нового руководства появилась окно возможности для пересмотра парадигм, регулирующих отношения с мусульманским большинством в пользу моделей, которые направляют узбекскую власть в сторону либерализации и плодотворному сотрудничеству, сохраняя при этом социальную стабильность;
- Первым и самым важным условием для достижения социально-культурных, позитивных политических преобразований в будущем является стратегия постепенной политической либерализации и разделения власти, т. е. расширение возможностей для участия в политической жизни страны для всех заинтересованных сторон при условии, что они гарантируют верховенство закона;
- В официальной религиозной политике необходимо перейти от конфронтационной позиции последних десятилетий в пользу версии секуляризма, где есть место и религии (от французской модели «воинствующего» секуляризма к англо-

- саксонской модели либерального секуляризма);
- Светская элита должна пересмотреть как формальные нормы (такие как запрет на религиозную атрибутику в общественных местах), так и неформальные антирелигиозные практики, например, таких как недопущение подростков в мечети;
 - Многие узбекистанцы по-прежнему в неведении относительно недостатков «исламской формы правления», поэтому исключение реформистских и умеренных исламских дискурсов из общественного пространства потенциально может сыграть на руку полуправильным консервативным и подпольным радикальным дискурсам;
 - Предполагаемая угроза со стороны ненасильственных или либеральных исламских движений должна быть пересмотрена;
 - Главным приоритетом должно быть качество как религиозного, так и светского образования;
 - Представители мусульманской интеллигенции, проповедующие реформистский дискурс, должны быть выявлены и назначены на ключевые должности в религиозных учреждениях, а также в Комитете по делам религии и в службе советника по религиозным вопросам при администрации президента.

Хотя в Узбекистане данные рекомендации кажутся невероятными, как показывает опыт Ближнего Востока и Северной Африки, а также большинства других государств с преобладающим мусульманским населением — это единственные возможные условия для сохранения режима и долгосрочной социальной стабильности.

Рекомендации для деятелей, ориентированных на ислам

- Мусульманская интеллигенция должна предложить «образ желаемого будущего» Узбекистана, в котором комфортно бы себя чувствовали как приверженцы секулярного образа жизни, так и представители других религий и культур;
- Творчески переосмысленные идеи джадидитского движения начала 20-го века могут послужить основой новой концепции национальной модернизации («исламское модернизи»);
- Такое видение современности в свою очередь может противостоять влиянию утопических, радикальных, буквалистских и чрезмерно шовинистских интерпретаций ислама;
- Мусульманские деятели должны взять на себя обязательство действовать в пределах правовых рамок демократических и плюралистических основ;
- Power sharing с секулярной элитой — единственный способ участия в политической жизни и постепенное продвижение к долгосрочным социальным и

политическим изменениям, основанным на исламе;

- Как и джадиды, мусульманские интеллектуалы и активисты должны формулировать свои обращения на понятном для масс языке.

Рекомендации для международных участников

- Поскольку время (и демография) в Узбекистане находится на стороне социальных и политических движений, основанных на религии, наиболее логичной и эффективной политикой является поддержание диалога с такими движениями и деятелями, если они появятся;
- Появление политизированного ислама в не радикализованной форме должно также фигурировать в любой стратегии политики, направленной на долгосрочную стабильность в Узбекистане.

Сейчас Узбекистан сталкивается с концом «секулярной политики» и, вероятно, находится на пороге «мусульманской политики». Неспособность секулярной элиты полностью понять смысл подобных изменений, несомненно, только увеличит внутреннюю напряженность и приведет к вероятному развалу государства. Кроме того, угрозу дестабилизации несет и наблюдаемая сейчас неспособность мусульманской интеллигенции предложить «образ желаемого будущего» Узбекистана, в котором комфортно бы себя чувствовали как приверженцы секулярного образа жизни, так и представители других религий и культур.

Для того, чтобы модернизация в Узбекистане из «ложной» превратилась в реальную, необходимо выявить и задействовать внутренние импульсы развития. Правильно понятая религия могла бы существенно облегчить задачи национальной модернизации.

[1] ADEEB KHALID, Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. University of California. Press, 2007.

[2] «Toshkentlik imom maktablarda roʻmolni taqiqlashga qarshi chiqdi», BBC Uzbek, («Imam from Tashkent opposed the ban on wearing headscarves in schools»), Accessed 20 September 2018: <https://goo.gl/NSGPDT>

[3] «Частным турфирмам запретили отправлять узбекистанцев на малый Хадж», Радио «Озодлик» от 10 октября 2018 года <https://rus.ozodlik.org/a/29533190.html>

[4] Inglehart, Ronald & Welzel, Christian, Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence, New York: Cambridge University Press, 2005

[5] Сергей Абашин. Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией. М.: НЛЮ, 2015.

[6] Piotr Sztompka, The Sociology of Social Change. Wiley-Blackwell, 1993.

Данная статья была подготовлена в рамках проекта IWPR «Стабильность в Центральной Азии через открытый диалог». Мнения, озвученные в статье, не отражают позицию редакции и донора.